
Источник: Евгений Замятин. Избранное, М: Правда, 1989.

OCR В. Есаулов, февраль 2005 г.

По вечерам и по ночам – домов в Петербурге больше нет: есть шестизэтажные каменные корабли. Одиноким шестизэтажным миром несется корабль по каменным волнам среди других одиноких шестизэтажных миров; огнями бесчисленных кают сверкает корабль в разбунтовавшийся каменный океан улиц. И, конечно, в каютах не жилцы: там – пассажиры. По-корабельному просто все незнакомо-знакомы друг с другом, все – граждане осажденной ночным океаном шестизэтажной республики.

Пассажиры каменного корабля ? 40 по вечерам неслись в той части петербургского океана, что обозначена на карте под именем Лахтинской улицы. Осип, бывший швейцар, а ныне – гражданин Малафеев, стоял у парадного трапа и сквозь очки глядел туда, во тьму: изредка волнами еще прибывало одного, другого. Мокрых, засыпанных снегом, вытаскивал их из тьмы гражданин Малафеев и, передвигая очки на носу, – регулировал для каждого уровень почтения: бассейн, откуда изливалось почтение, сложным механизмом был связан очками.

Вот – очки на кончике носа, как у строгого педагога: это Петру Петровичу Мамаю.

– Вас, Петр Петрович, супруга дожидает обедать. Сюда приходили, очень расстроенные. Как же это вы поздно так?

Затем очки плотно, оборонительно усьелись в седле: тот, носатый из двадцати пятого – на автомобиле. С носатым – очень затруднительно: "господином" его нельзя, "товарищем" – будто неловко. Как бы это так, чтобы оно...

– А, господин-товарищ Мыльник! Погодка-то, господин-товарищ Мыльник... затруднительная...

И, наконец – очки наверх, на лоб: на борт корабля "ступал Елисей Елисеич.

– Ну, слава богу! Благополучно? В шубе-то вы, не боитесь – снимут? Позвольте – обтряхну...

Елисей Елисеич – капитан корабля: уполномоченный дома. И Елисей Елисеич – один из тех сумрачных Атласов, что, согнувшись, страдальчески сморщившись, семьдесят лет несут по Миллионной карниз Эрмитажа.

Сегодня карниз был, явно, еще тяжелее, чем всегда. Елисей Елисеич задышался:

– По всем квартирам... Скорее... На собрание... В клуб...

– Батюшки! Елисей Елисеич, или опять что... затруднительное?

Но ответа не нужно: только взглянуть на страдальчески сморщенный лоб, на придавленные тяжестью плечи. И гражданин Малафеев, виртуозно управляя очками, побегал по квартирам. Набатный его стук у двери – был как труба архангела: замерзали объятия, неподвижными пушечными дымками застывали ссоры, на пути ко рту останавливалась ложка с супом.

Суп ел Петр Петрович Мамай. Или точнее: его строжайше кормила супруга. Восседа на кресле величественно, милостиво, многогрудно, буддоподобно – она кормила земного человечка созданным ею супом:

– Ну, скорей же, Петенька, суп остынет. Сколько раз говорить: я не люблю, когда за обедом с книгой...

– Ну, Аленька – ну, я сейчас – ну, сейчас... Ведь шестое издание! Ты понимаешь: "Душенька" Богдановича – шестое издание! В двенадцатом году при французах все целиком сторело, и все думали – уцелело только три экземпляра... А вот – четвертый: понимаешь? Я на Загородном вчера нашел...

Мамай 1917 года – завоевывал книги. Десятилетним вихрастым мальчиком он учил закон божий, радовался перьям, и его кормила мать; сорокалетним лысеньким мальчиком – он служил в страховом обществе, радовался книгам, и его кормила супруга.

Ложка супу – жертвоприношение Будде – и снова земной человек суетно забыл о провидении в обручальном кольце – и нежно гладил, ошупывал каждую букву. "В точности против первого издания... С одобрения Ценсурного Комитета"... Ну, до чего приятное, до чего умильное т на трех толстенных ножках...

– Ну, Петенька, да что это? Кричу-кричу, а ты с своей книгой... Оглох,